

К Пушкинской речи Достоевского

Василий
ДВОРЦОВ

Сколько уже лет, сколько толкователей, и каждая годовщина памяти Александра Сергеевича Пушкина всё множится и прирастает новыми объяснениями феноменального триумфа доклада Достоевского, новыми трактовками истоков фурора, произведённого речью Фёдора Михайловича в торжественном собрании Общества любителей российской словесности, при многочисленной публике.

В собрании далеко не единомышленников, при публике разнородной, большинством противной консервативно-традиционалистским взглядам писателя.

Эх, дорогие философы, культурологи и литературоведы, и каким же это риторико-критическим анализом можно докопаться – чем смогли тогда произносимые тихим голосом безыскусные слова разоружить воинства социал-революционеров и национал-реакционеров, либеральных проевропейцев и ретроградных отщиплюбов? Как сумели слова эти подвигнуть слушателей хоть на миг, да освободить от шелухи политических мнений, очиститься от корост тенденциозных позиций, вырваться из стадной трусости и маниакального эгоизма и – совершенно безбоязненно – открыться к друг

другу, неложно сродниться, слиться в совершенную соборность?

Да, конечно, уже следующим днём и почётные члены Общества, и гости торжества “опомнились” и застыдили своей сердечной откровенности, своей “подчинённости настроению” и “минутной слабости”, но ведь

“Едиными усты и единым сердцем”

было! случилось! пережили они все то, что Церковь зовёт “едиными усты и единым сердцем”!

Нужно обратить внимание на эти самые “настроения” и “минуты”: период проведения Александром II Освободителем грандиозных внутриполитических реформ с ослаблением государственного идеологического прессы на общество привели это самое общество к полному разброду и раздраю. Все были всем недовольны. “Освобождённое” общество не просто разделилось и раздробилось, но впало в междоусобицу, вошло в самую настоящую гражданскую войну. Террор в городах, бунты в деревне. Во имя “свобод” нигилисты не лягушек резали. Нечаевы, засуличи и халтурины, пьяные рукопашниками, убивали нагло, эпативно, да что там “низы”, – уже скобеловы и валуевы были не против военного переворота. И вдруг – “Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен”!

Прозвучало: “Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен как никогда и не вообра-

жал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймёшь наконец народ свой и святую правду его”.

И было принято. Почему? Да потому, что это же “Стяжи дух мирен, и тогда тысяча душ спасётся около тебя”. Знакомо? Вот именно.

Урождённый сердцевед Достоевский, да со своим-то страшным жизненным опытом, как никто другой, понимал, что за аудитория перед ним. Знал её реакцию на “Избранные места из переписки с друзьями”. И потому пошёл на обман. Он именем Пушкина, от имени Пушкина заговорил о самом главном, что волнует всякого человека – о вере и спасении, о великой у каждого надежде: “Уверуйте в дух народный и от него единого ждите спасения и будете спасены”. И, до определённой им самим поры, Достоевский не называл ничего и никого своими именами, кутая до времени только чувствую суть в гоголевский туманный “народный дух”.

Достоевский говорил о природе русского человека, раскрывая через пушкинских героев две её, природы, две ипостаси: мужскую – по-исковую и женственную – охранительную. Говоря о национальном нашем мужском начале, Достоевский, изводя этих самых героев от школьно осуждаемого “отрицательного типа”, “не верующего в Россию и себя самого”, возво-

да “лишнего человека” в мученический чин “искренно страдающего скитальца”, в того последователя и преследователя высочайшей Истины и совершенной Красоты, которому “необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться”. Ибо “дешевле он не примирится”.

И разве смог бы кто из слушающих не согласиться, что этот поисково-творческий, жаждущий и алчущий во всём абсолютной идеальности, и от своей сверхустремлённости столь безжалостно жгущий себя человек – не есть человек “настоящий, вполне русский”?

А вторая, сберегающая, хранящая Истину ипостась русского духа – в пушкинских женщинах и монахах. “Татьяна: это тип твёрдый, стоящий твёрдо на своей почве” – и куда бы ни заводил, ни уносил нас творческий поиск, но неизбежность в нравственных императивах, неколебимость в божественных заповедях – это тоже наша русскость. И опять никто не спорил. И не спорит.

Третья ипостась нашей русской природы – по Пушкину ли? Достоевскому ли? – наша вселенскость. Ведь “стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком...”

Именно здесь Достоевский и открыл, наконец назвал настоящим именем “народный дух” – Православие. И стало ясно-ясно: русский всечеловек – Христос: “будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, все-

человечной и воссоединяющей, вместиť в неё с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону!”...

О, сколько по этому утверждению произведено выстрелов от “следующего дня” и по нынешний! Правые и левые, западники и славянофилы – как же стеснялись они тогда и как ненавидят сегодня их потомки те слёзы и братские обаяния, то воодушевление единого переживаемым счастьем и восхищению совершенно религиозным экстазом, пока усталый Фёдор Михайлович, сосулившись, бочком спускался со сцены. Но было! случилось! и пережили все то, что Церковь зовёт “едиными усты и единым сердцем”!

Что объединяет народ? Вера.

Что примиряет общество? Великая цель, сверхидея.

Писатель – миротворец. Сегодня мир на пороге самой страшной войны. И что может сегодня писатель для, если не объединения, то примирения? Осознать, прочувствовать, уверовать и вжиться в ту сверхидею, чтобы великой целью зажечь, подвигнуть своих читателей хоть на миг, да освободиться от шелухи политических мнений, вырваться из стадности и эгоизма и безбоязненно открыться, сродниться с соборностью. Если, конечно, он настоящий писатель.

(Из выступления на секции критики Совета молодых литераторов СМЛП)

Рост индустриализации общества обычно сопровождается не только повышением уровня бытовой культуры, но и деградацией ранее сложившихся социальных отношений, национальной культуры. Следствием этой деградации является рост отчужденности между людьми, падение рождаемости, брачности, морали, рост преступности и психопатизации населения (в частности половой психопатизации).

Таким образом, бытовой прогресс не всегда сопровождается и духовным прогрессом. Мы обычно сталкиваемся с двумя разными оценками этого явления.

В одних случаях имеют место только положительные оценки роста бытовой цивилизации, в других абсолютизируется культурная деградация. Сбалансированные оценки наблюдаются сравнительно редко. В 1993 году в двух петербургских газетах появились две близкие по сути статьи, описывающие впечатления о поездке в Данию (“Санкт-Петербургские ведомости”) и о поездке в Швецию (“Невское время”). Описываются две скандинавские страны весьма близкие по образу жизни их населения, однако описываются по-разному.

В статье по Данию отмечена высокая бытовая цивилизация, хорошая социальная страховка населения, но в то же время распад семьи (только около трети нормальных семей), превращение смертности над рождаемостью, что компенсируется закупкой детей в Южной Корее. В конце статьи вывод, что, мол, не всё в порядке в Датском королевстве.

В другой статье Швеция называется большим домом, приводит пример, как шведский экскурсовод подобрал на улице кем-то разбитую бутылку и по-хозяйски бросил её в урну. Автор в восторге от этого поступка и подводит читателя к выводу, что нет страны лучше Швеции, т.е. в этом королевстве всё в порядке! Чтобы не портило положительное впечатление у читателя, автор оставляет без внимания тот факт, что кто-то всё-таки бьёт бутылки в Швеции и не собирает осколки.

Эти два столь разноречивые описания двух по сути одинаковых стран, двух скандинавских королевств, есть отражение двух точек зрения на западный образ жизни в нашей стране. Возникновение этих двух точек зрения можно объяснить тем, что и в описанных, и многих других странах наблюдается одновременно и рост бытовой цивилизации и процесс социальной деградации, распад национальной культуры.

Шведский профессор Леонард Леви сообщил в беседе со мной, что среди детей шведов процент невротиков выше, чем среди детей в Судане, хотя уровень жизни первых несравненно выше, чем вторых, да и битые бутылки в Судане вряд ли будут собирать. Отсюда видно, что не только уровень бытовой цивилизации определяет здоровье нации. Таким образом, шведское благополучие носит в значительной степени бытовой характер.

Ошибка авторов статьи о Швеции в том, что они ставят равенство между процветанием бытовым и процветанием вообще, опуская духовную и социальную стороны жизни. Так можно восторгаться прекрасными отношениями мужа и жены, которые давно разошлись. В статье о Дании говорилось, что там только около трети семей полные, т.е. только треть детей получают ласку и воспитание и от отца и от матери, у этих детей выше чувство защищённости в ситуациях, сопряжённых с риском возникновения психосоматических заболеваний, чем у детей в неполных семьях или в семьях с отчимом.

Швед подбирает битую бутылку и бросает родного ребёнка, которого обычно никто всерьёз уже не “подбирает”. Можно ли согласиться с автором статьи, что шведы хорошие хозяева своего дома-страны, наверное, нет. Справедливости ради скажем, что шведское правительство понимает это и делает немало для исправления данного положения.

В этой ситуации правомерен вопрос о необходимости такой структурной единицы как семья для жизни общества, структурной организации общества. Но возможно, людям лучше жить как млекопита при броуновском движении, случайно сталкиваясь и также случайно расходясь? Известный этолог Конрад Лоренц, анализируя в своей статье “Об агрессии” причины вандализма среди “лишних комплексов подростков” на Западе, приходит к выводу, что причиной вандализма явился распад семьи, размывание национальной культуры, приводящее к несоблюдению традиций и ритуалов, т.е. к разрушению структуры национального общества.

Соблюдение ритуалов, как семейных, так и национальных, возможно, суперэтнических общеземных, таких как празднование дней рождения в семье, дня рождения императора в стране, дня ООН во всём мире, по мнению Конрада Лоренца, создаёт радость жизни, т.е. способствует откату эмоционального маятника в позитивную сторону.

Разрушение бычаев делает жизнь безрадостной, т.к. ритуалы уже не уравнивают между негативные чувства, чтобы скрасить жизнь, находят замену ритуалом – вандализмом, хулиганством, пьянством, наркотиками и т.п.

В газете “Невское время” в октябре 1993 года была публикация “В стране людей, а не идей”, где говорится о крайней доброжелательности жителей Дании, но воспитанность не исключает вандализм, ведь даже символу Коленгагена – русалочке как-то отпилили голову.

В США подростки кроме вандализма совершают столько отличающихся особой жестокостью злодеяний, что Верховный суд счёл необходимым принять решение о применении высшей меры наказания к преступникам в возрасте 16-17 лет. Американский судья Скалиа отметил, что эта мера знаменует собой движение общества в прогрессивном направлении.

Почему же богатой Америке пришлось избрать столь странное направление для прогресса?

В настоящее время многие явления, ранее трактуемые исключительно с позиции психологии, могут иметь физиологическое объяснение.

Этому способствовали многочисленные исследования функции эмоциональной системы мозга, как в эксперименте на животных, так и в клинике. На основании этих данных можно сделать следующие выводы:

1 – нормальное (здоровое) поведение человека или животного зависит от соотношения активности позитивных и негативных эмоциональных структур мозга, регулирующих характер реакции человека или животного на предмет, ситуацию и т.д.;

2 – каждое живое существо стремится к сохранению известного равновесия между активностями этих структур;

3 – каждой форме поведения соответствует определённый уровень возбудимости эмоциональных структур, расположенных в различных образованиях мозга, т.е. в каждой структуре при данной форме поведения свой уровень возбуждения, вместе эти уровни образуют специфическую для этого поведения констелляцию возбуждений;

4 – новое поведение может сформироваться только на фоне активности эмоциональной системы.

Можно полагать, что стремление к здоровой присуще большинству живых существ, иначе жизнь на земле постепенно бы угасла. Поскольку здоровье зависит от баланса эмоциональной активности, то стремление к этому равновесию естественно.

В эксперименте нами показано, что если стимуляция позитивных структур во времени относится к стимуляции негативных структур менее, чем 3:1, то наступают болезненные процессы, относящиеся к так называемым психосоматическим расстройствам. При сложившемся недостатке позитивной активности человек вынужден искать какие-либо способы достижения эмоционального равновесия.

По-видимому, обычаи, ритуалы, о которых писал К.Лоренц, а также возникшие в семье специфические обороты речи, слова, ситуации, события, обстоятельства (например, первые шаги ребёнка) закрепляются в памяти с помощью 7 определенных эмоциональных констелляций и, извлекаясь из памяти в какое-то время, активируя эту констелляцию, вызывают положительную эмоцию, когда-то сопутствующую прошлым событиям. Эта память на события (менталитет семьи, народа) оживает при встрече с человеком – участником прошедших событий. Недаром говорят, что “старый друг лучше новых двух”. Умирает полупарализованная дряхлая мать, посторонние люди считают, что пора, отлучилась, а дети плачут, т.к. у них уходит память детства, уходит родительская семья со всей её культурой, словечками и ситуациями, которые не раз поднимали им упавшее настроение, даже в трудную минуту вызвали улыбку.

В вышеупомянутой статье о Дании – “В стране людей, а не идей”, автор умиляется и чуть не плачет, видя как в датской богадельне сиделки заботятся о стариках.

Да, персонал в Дании вышколен, боится потерять работу, возможно кое-что проникнут истинно христианским милосердием, но при всём этом он состоит из чужих людей, жизнь которых протекала отдельно от жизни старушек, у них своя память, никто не напомним ни эпизодов детства, ни случаев из остальной жизни. Трудно согласиться с восторгам автора статьи: богадельня, даже самая хорошая, всегда обитель печали, место социальной смерти.

В известном анекдоте умирает еврей-лавочник, который оглядывая стоящих рядом родных и близких, спрашивает: “А кто остался в лавке?”. До последней минуты жизни этот лавочник чувствует себя социально-значимой фигурой – главой семьи, обязанным заботиться о её членах. В таких случаях принято говорить, что лавочник умирает как человек. В Дании две трети населения живут, не имея нормальной семьи, в старости многие живут в богадельнях. Чему тут умиляться.

Причина многих самоубийств в Дании – одиночество, потеря смысла жизни.

Австралийский абориген не имеет практически ничего, даже одежды. Копьё, лук и копалка – всё его богатство. Как-то одно из племён переселили в дома со всеми европейскими удобствами. Аборигены сломали в доме всё, что могли, они уничтожали чужую им среду обитания, противоречащую их менталитету.

Мы тоскуем на чужбине, т.к. там нет тех мест, которые пробуждают в нас положительные эмоции.

Основываясь на сказанном, можно понять причину не любви к иммигрантам и высокого уровня преступности в США, где их много. Ведь разрушающие дом австралийские аборигены оказались в вынужденной эмиграции. Национальная культура – это механизм саморегуляции баланса эмоций у народа.

Утрата национальной культуры приводит к нарушению этого баланса, отклонению эмоционального маятника в негативную сторону, что приводит к росту вандализма, к иным проявлениям агрессии против своей страны.

Как отмечает Конрад Лоренц, ритуальное поведение у животных приобретает функцию сдерживания агрессии, запрета борьбы между членами одной группы, удерживания их в замкнутом сообществе и отграничения этого сообщества от других подобных групп.

Эти сообщества можно рассматривать как прообраз человеческих наций. Разрушение сообществ приводит к вырождению вида, поэтому не имеющих своего сообщества собак вне сезона охоты в лес пускать запрещено, т.к. они убивают не ради еды. Поведение собаки должен

регулировать человек, т.к. саморегуляция утрачена с утратой ритуального поведения.

Частичная деградация национальных культур в стране массовой эмиграции США потребовала увеличения внешнего регулирования: там предполагается на 100 тысяч увеличить число полицейских (“Санкт-Петербургские ведомости”, 23.08.1994 года), хотя их там и так больше, чем где-либо. “Мы сталкиваемся с тем, что у нас самый большой процент убийств в мире”, – сказал Билл Клинтон.

Писатель Сергей Довлатов пишет про свою жизнь в Нью-Йорке: “это постоянная борьба за свою безопасность, убивают две тысячи человек в год (больше, чем в Афганистане)”, “здесь фактически идёт гражданская война”, “есть огромные районы, куда уже не заглядывают полиция, и откуда криминальная информация уже не попадает в газеты, там происходит что-то жут-

жит чему-то великому, то “непоколебимо уверен в собственной правоте”.

Националист Оруэлл утратил национальную культуру, так что националист он условный, поэтому он ищет позитивных эмоций в неких великих свершениях – всегда и неизбежно приводящих к катастрофе. Национализм Д.Оруэлл противопоставляет патриотизм, “который по самой своей природе имеет оборонительный характер, как в военном, так и культурном отношении”. Естественно, тому, кто любит свою землю и свою национальную культуру, “чужая земля не нужна”. “Все самые невероятные благополучия”, – пишет Д.Оруэлл, – оказывались возможными в результате крушения патриотизма и религиозных воззрений”. Утративший патриотизм сторонник глобальных идей получает позитивное эмоциональное подкрепление, только побеждая врагов идеи.

Эмоциональная саморегуляция и культура

кое”. Процесс потери культуры начался и у нас, саморегуляция эмоционального механизма теряется, и жизнь со временем становится тягостной и бессмысленной.

Вследствие этого процесса за последние годы отсев в общеобразовательных школах Петербурга вырос в 20 раз, наркомания среди подростков в 10 раз (“СЛБ Ведомости”, 23.08.1994 года).

В газете “Труд” в статье “Инопланетные с каскетником” передаётся следующий диалог, в котором корреспондент обращается к группе подростков:

– Ребята, когда вы собираетесь, о чём говорите?

– Ни о чём.
 – А что делаете?
 – Врубаем каскетник и балдеем.
 – А можете вы не встречаться?
 – Нет. Просто, когда нам становится скучно друг с другом, мы идём домой.
 – А что делаете дома?
 – Врубаем каскетник и балдеем”.

Может ли быть такое в обществе с сохранной культурой?

Конечно, нет! Культура регулирует поведение всех членов общества. Плохо тому, кто “ни ступить, ни молвить не умеет”. Чтобы войти в культурное общество, просто необходимо уметь себя вести, ну а когда культурного общества нет, можно и даже нужно балдеть.

Балдение спасает от помешательства, от самоубийства. Так, сын мультимиллиардера Шпрингера повесился из-за одиночества, не успев вовремя забалдеть.

Роль бытовой цивилизации в деле психического равновесия человека, по-видимому, существенно меньше, чем нам кажется. Много денег – не значит много счастья.

Частичное отключение сознания у подростков при прослушивании ритмической музыки помогает им отодвинуться от проблемы смысла жизни, но не уйти от неё. Их эмоциональный маятник жизни механически затормаживается при откатуе в негативную сторону, а позитивной откатки почти нет, маятник трясётся в конвульсиях, как и сами подростки.

Культура не только даёт человеку смысл жизни, но и имунитет к патологии поведения. При утрате национальной культурной регуляции обычной формой поведения становится проституция, гомосексуализм, педофилия, некрофилия и пр. Теперешние горе-теоретики подводят под патологию поведения генетическую базу, говорят о гуманизме. Но может ли быть гуманизм к болезни, например, к раку или к холере?

Гуманист, а таким является всякий истинный врач, стремится отделить болезнь от человека, а не доказать, что они вместе прекрасно смотрятся. Эта позиция есть проявление крайней жестокости и к больному, и к обществу. В общество вносится вирус; который в конечном счёте его разлагает, мешает больное со здоровым, приводит к гибели.

Недаром в Библии отделились чистые от нечистых, плевала от семян, агнцы от козлищ, а ведьмы в прологе “Макбета” мешали добро и зло. В своей статье “Заметки о национализме” Д.Оруэлл полагает, что национализм – это тот, кто думает исключительно “категориями составляющего престижа”. К формам национализма он относит: “коммунизм, политический католицизм, сионизм, антисемитизм, троцкизм, пацифизм”. Национализм в трактовке Оруэлла не обязательно, верен какому-либо правительству, народу, стране. “Каждый националист способен на любую бесчестность”, пишет Оруэлл, и так как слу-

хотелось бы добавить ещё один.

Роль такого мифа-регулятора может играть разведение домашних животных, в частности, собак. Можно уловить зависимость: чем больше содержат собак, тем меньше рожают детей. Собака в какой-то степени в западных странах, а также всё более и у нас, заменяет общение с близкими людьми, заменяет их. Часто можно слышать, что собака лучше человека. А чем лучше? да тем, что предана хозяину.

Однако, когда про человека говорят, что он предан как собака, это не считается похвалой. Ни один народ в мире не имеет имён, производных от собаки (собака, сука и т.п.), но все народы имеют такие ругательства. Следует отметить, что предок собаки – волк породил множество имён – Адольф, Рудольф, Вольф, Ульва и т.д. Это можно объяснить тем, что волки сохранили свои природные стайные взаимоотношения. Так волк и волчица обычно всю жизнь живут вместе, до двух лет учат волчат, имеют свои охотничьи участки и так далее, т.е. имеют свою ритуальную систему, которую утратила в значительной степени собака и, увы, утрачивает человека.

Своим презрительным отношением к собаке и уважительным к волку человек как бы говорит о своей здоровой природе, не утратившей чувств нормы и патологии в поведении.

Естественно, к собаке, как и иным домашним животным, не может быть претензий – их вывел человек и они ему служат, поэтому он их любит, но уважает волка.

Таким образом, человек, лишившись природной эмоциональной саморегуляции, сформированной в процессе этногенеза и выраженной в национальной культуре и государственной религии, находит ей замену. Эта замена происходит за счёт мифотворчества, формирования сверхчуждых идей, культуры различных лиц (политических деятелей, эстрадных певцов, сектантских проповедников и т.д. и т.п.).

Замена, однако, не равнозначная и приводит к утрате человеком той свободы, которую он обрёл вместе с обретением национальной культуры и официальной не фанатичной веры, веры

не закабальвающей, а возвышающей морально.

Без этой морали и свободы жизнь заходит в тупик; так, на проходившем в Петербурге в институте им. В.М. Бехтерева Всемирном психиатрическом конгрессе немцы докладчики отмечали массовую утрату у немецких мужчин мотивации вступления в брак, отсюда – постепенное вымирание немецкого народа.

Писатель Оруэлл в своей известной книге “1984” ярко описал один из возможных вариантов мифотворческой системы эмоциональной регуляции, связанной с подавлением личности, фактическим духовным рабством.

Интересно сопоставить эти примеры тупиков социальной эволюции с аналогичными случаями в природе.

Конрад Лоренц отмечал, что в некоторых случаях естественный отбор направляется только одной конкурентной сородичей без связи с вне-видовым окружением. Так, самка-павлин выбирает себе того самца, у которого больше хвост с глазатыми пятнами. Самцы соперничают друг с другом по величине хвоста, который в результате естественного отбора растёт от поколения к поколению. Самцы с трудом летают и становятся лёгкой добычей хищников. Эволюция павлина зашла в тупик, но самцы всё равно никогда не договорятся относительно длины хвоста, а поэтому со временем вид вымрет.

Сопоставляя павлинью ситуацию с человеческой, К.Лоренц приводит слова своего учителя Оскара Хейпрота: “После хвоста павлина темпы работы людей западной цивилизации – глупейший продукт внутривидового отбора”. Темп работы, как и рост хвоста павлина объясняется только внутривидовой конкуренцией.

К.Лоренц пишет: “Нынешние люди болеют типичными болезнями бизнесменов: гипертонией, сморщиванием почки, язвой желудка, мучительными неврозами, – они впадают в варварство и у них уже нет времени на культурные интересы. И всё это без всякой необходимости: ведь они прекрасно могли бы договориться впрямь работать спокойно...”

То есть, теоретически могли бы, ибо на практике способны к этому не более, чем павлины к договорённости об уменьшении хвоста”.

Утрата патриотизма, как следствие потери национальной культуры, загоняет целые народы в эволюционный тупик, и они начинают вымирать, подобно павлинам, ставя во главу угла не заботу о будущем поколении, его численности и здоровье, как телесном, так и моральном, а заботу о пышности личного “хвоста”.

Уравновешивание эмоциональных весов бескультурным человеком достигается не только выращиванием “хвоста”, но и более варварскими методами. Так, возникшие в ряде западных стран общества в защиту животных поставили перед собой цель сделать людей вегетарианцами, запретить им носить меховую одежду. Человек, как и иные существа – тигры, шимпанзе, северные олени, ест мясо, что согласуется с его природой.

Пытаться идти против законов природы и для этого широко применять насилие может только зашедший в тупик безумец, варвар, утративший остатки культуры. Интересно, что против телесного разрушения эти “защитники” животных борются, но совершенно спокойно смотрят на духовную деградацию домашних животных, утрату ими социальной структуры, материнского инстинкта, подчинению их другому виду, что само по себе уже маразм.

О собаках я уже писал выше, почему же владельцы собак не убивают эти борцы? Почему они не думают: что без индустрии кормов домашний скот вымрет от голода, а просто так его кормит никто не будет? Этих мыслей нет, потому что суть их размышлений не в оберегании животных, а в самой деятельности, которая хоть как-то компенсирует негативное отклонение маятника самочувствия, создаст какой-никакой смысл их жизни.

Американский профессор Харрингтон полагает, что в будущем источники конфликтов будут определяться не экономической и союзами государств, а разностью культур и цивилизаций. Разнообразие культур – это условие существования жизни, а поэтому не может представлять для нас опасность.

Если под цивилизацией подразумевают материальную сторону жизни, то цивилизация может укреплять национальную культуру, а может, как в описанном случае с бизнесменами, её разрушать. Конфликты между такими разрушающими цивилизациями очень опасны. Однако, будем надеяться, что разум человека всё-таки превозмождёт разум павлина.

Как сообщает агентство Reuter, ведущие психологи Европы и США по заданию Akademika Eugeorea изучали проблемы современной молодёжи развитых стран. Учёные отметили, что “со времени Второй мировой войны практически во всех развитых странах значительно увеличилось признаки психологического неблагополучия молодёжи – уровень преступности и наркомании, склонность к самоубийствам и депрессиям. Ничего подобного не было ранее”.

При этом отсутствует чёткая связь этих явлений с состоянием экономики и средствами массовой информации.

Анализ данных показал, что увеличение числа стрессов связано с распространением наркотиков и свободного секса, с совместным проживанием до брака. Всё это, по мнению учёных, привело к созданию автономной молодёжной культуры, оторванной от национальных традиций”. Обосновение подростков, по мнению учёных, и есть “главная причина молодёжного психологического дискомфорта”.

По мнению Daily Mail безраздельность и открытость, получившие распространение в 60-е годы, заслуживает осуждения. Шестидесятники, призывая заниматься любовью, а не войной достигли того, что жизнь современной молодёжи стала невыносимой. Наши шестидесятники добились тех же результатов. В статье “Беззащитное детство” (“Санкт-Петербургские ведомости” от 7.07.1995) приводятся факты, близкие к выводам европейской комиссии.